

1917

Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие

2019-5
1075 а

БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ХАНТЫ-МАНСКИЙ АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт гуманитарного образования и спорта

Кафедра истории России

Кафедра всеобщей истории и археологии

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИБИРЬ: ИСТОКИ, ПРОЦЕССЫ, НАСЛЕДИЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

СУРГУТ
24–25 ноября 2017 года

г. Сургут
2017

Мауль Виктор Яковлевич

доктор исторических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет (филиал в г. Нижневартовске), VYMaul@mail.ru

**СИБИРСКАЯ ССЫЛКА В СУДЬБЕ
КРЕСТЬЯНСКОГО ВОЖАКА «ЧИГИРИНСКОГО ЗАГОВОРА»
(ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ)**

В статье рассматривается один из эпизодов истории революционного движения в России XIX века. Он связан с образованием в 1877 г. в Киевской губернии «Чигиринского заговора» в среде бывших государственных крестьян. Этот заговор возник при активном участии революционных народников, а его последствия трагически отразились на судьбах участников. Одним из выдающихся вожаков заговора был крестьянин Лазарь Тененик, приговоренный к отбыванию наказания в городе Березове Тобольской губернии. В статье на основе архивных материалов прослежены основные моменты его сибирской ссылки.

Ключевые слова: «Чигиринский заговор», революционное движение, народники, «Тайная дружина», Л. А. Тененик, Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч, И. В. Бохановский, сибирская ссылка, Березов, Тобольская губерния, Западная Сибирь.

Viktor Y. Maul

doctor of historical sciences, professor, branch of Tyumen Industrial University in Nizhnevartovsk, VYMaul@mail.ru

**SIBERIAN EXILE IN THE FATE
PEASANT LEADER "CHIGIRIN CONSPIRACY" (AN EPISODE FROM
THE HISTORY OF THE REVOLUTIONARY MOVEMENT)**

The article examines one episode in the history of the revolutionary movement in Russia of the XIX century. It is associated with the education in 1877 in the province of Kiev "Chigirin conspiracy" among the former state peasants. This conspiracy originated with the active participation of the revolutionary narodniks, but its consequences are tragically affected the lives of participants. One of the outstanding leaders of the conspiracy were the farmer Lazarus Tenenik sentenced to serve his term of exile in the city of Berezov Tobolsk province. In article on the basis of archival materials the author reviews the principal highlights of his Siberian exile.

Key words: "Chigirin conspiracy", revolutionary movement, narodniks, "Secret squad", L. A. Tenenik, Y. V. Stefanovich, L. G. Deich, I. V. Bokhanovsky, Siberian exile, Berezov, Tobolsk province, Western Siberia.

В российском революционном процессе XIX века «Чигиринский заговор» с полным основанием может считаться одним из самых резонансных событий [9; 13]. В свое время он оказался, по существу, единственной сколько-нибудь удачной попыткой народников пробудить стихию народного бунта и породил в их кругах определенные надежды на возможность реальной смывки с протестующей крестьянской массой. Известный революционер С. М. Кравчинский даже высказывал предположение, что чигиринскому делу «суждено быть одним из поворотных пунктов в истории русской революции» [15, С. 77].

Возникнув на стыке пропагандистской активности бывших участников «хождения в народ» с движением крестьян в пореформенной деревне, «Чигиринский заговор» серьезно обеспокоил тогдашние правящие круги и спровоцировал бурную полемику в народнической печати о допустимости безнравственных средств борьбы с самодержавием [16].

Дело заключалось в следующем. В 1877 г. члены кружка «южных бунтарей» Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч и И. В. Бохановский, выдавая себя за царских комиссаров, с помощью подложных грамот от имени императора сумели создать в среде государственных крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии подпольную организацию «Тайная дружина». Играя на недовольстве украинских селян своим малоземельем, организаторы самозванческой интриги обманом вовлекли в заговор более тысячи человек. Цель всей затеи была четко сформулирована в уставе общества: «подготовиться к восстанию против дворян и других высших сословий, с тем, чтобы силою возратить себе захваченную ими землю и уничтожить повинности и налоги, введенные дворянским начальством, и восстановить полную волю, как даровал ее Его Императорское Величество Государь Александр Николаевич» [2, Ф. 109. 3-я экспедиция, 1877, Д. 262, Ч. 1, Л. 39].

Однако еще на стадии приготовления к восстанию планы заговорщиков были полностью раскрыты. Последовавшие затем аресты организаторов и крестьянских вожаков «Чигиринского заговора» окончательно обрекли дело на провал. По оценке историка О. А. Милевского, «местные жандармские власти попытались придать будущему политическому процессу еще больший размах, не желая верить, что это – фактически дело трех человек», а потому «к нему искусственно были «пристегнуты» лица, хоть каким-то образом связанные с ними, причем даже не прямо, а опосредованно, через третьих лиц» [10, С. 103].

В ходе подготовки судебного процесса трем мнимым царским комиссарам при помощи своих товарищей удалось совершить сенсационный побег из Киевского тюремного замка и скрыться за границей [17, С. 129–152]. Тем более серьезный ответ пришлось держать узникам, оставшимся в руках властей. По решению суда дальнейшая судьба едва ли не каждого из них, так или иначе, оказалась связанной с сибирской неволей.

Среди таковых «без вины виноватых» особенно суровому наказанию подверглись практически не имевшие отношения к «Чигиринскому заговору» Ю. О. Круковская, В. Е. Малавский и Г. И. Шеффер, приговоренные к различным срокам

каторжных работ на Каре [2, Ф. 112, Оп. 1, Д. 477, Л. 144об]. О. В. Стефанович был отправлен в ссылку в Западную Сибирь (г. Тюкалинск Тобольской губернии) только за то, что не выдал жандармам своего брата Я. В. Стефановича [3, Ф. И330, Оп. 1, Д. 84, Л. 532–533]. Лишь заподозренные в причастности к чигиринским волнениям И. Н. Фролов и М. В. Стефанович оказались на положении ссыльных на Русском Севере в далекой Олонецкой губернии в г. Повенец и Олонец соответственно [11, Ф. 1, Оп. 10, Д. 55/26, Л. 20об, 96об]. Чуть позже, причем надолго, хотя в основном по другим обвинениям, все-таки попал в Сибирь – на каторгу и поселение – главный организатор «Чигиринского заговора» Я. В. Стефанович [12, Ф. И-12, Оп. 16, Д. 14, Л. 2об-3] и Л. Г. Дейч [5, С. 87–289].

Не избежали тяжелой участи государственных преступников и крестьянские вожаки «Чигиринского заговора» Е. А. Олейник, И. И. Писковой, К. И. Прудкий, Л. А. Тененик, Ф. А. Чепурный и С. К. Шутенко. Первые двое отбывали ссылку в Батурусском улусе Якутской области [12, Ф. И-12, Оп. 15, Д. 60, Л. 4–6; Д. 61, Л. 8–10об], вторые – в Тобольской губернии в г. Туринск и Березов [3, Ф. И330, Оп. 1, Д. 84, Л. 507–508, 515–516], а последние – в с. Частоостровском Енисейской губернии [1, Ф. 595, Оп. 63, Д. 1799, Л. 1об].

Учитывая характер и содержание чигиринских событий, можно полагать, что в своих репрессиях против крестьянских участников правительство явно утратило чувство меры. Напуганное размахом революционного движения в стране, оно удивительным образом умудрилось зачислить в разряд революционеров крестьян-традиционалистов, которые в действительности были преданными сторонниками царя и монархии. Что любопытно, спустя годы точно такую же ошибку допустили составители био-библиографического словаря «Деятели революционного движения в России», вышедшего в свет с 1927 по 1933 гг. под патронажем Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Помимо названных выше крестьянских лидеров движения, в словарь по непонятным причинам были включены несколько чигиринцев, игравших совершенно незначительную роль в заговоре и вряд ли могущих претендовать на звание революционеров: Андрей, Иван, Карп и Николай Приходько, Ерофей Прудкий, Андрей Олейник и Ефрем Тененик [6].

Отмеченный парадокс, однако, может объясняться тем обстоятельством, что при всей значимости «Чигиринского заговора» в революционном движении 1870-х гг. его событийная и, тем более, биографическая история незаслуженно остается историографической лакуной. Ни об одном из крестьянских лидеров заговора за прошедшие почти полтора столетия не было написано специального научного исследования, хотя в последнее время недопустимый исследовательский пробел понемногу стал заполняться усилиями автора данных строк [7; 8].

Строго наказанные царской властью за свою беззаветную преданность монарху чигиринские крестьяне, предварительно просидевшие в тюрьмах (Чигирин, Киев) по несколько лет, столкнулись со всеми «прелестями» пересыльного этапа

и суровой действительностью сибирского края, о котором ранее, в лучшем случае, знали лишь понаслышке. По рассмотрению чигиринского дела 9 июня 1879 г. на заседании Киевской палаты гражданского и уголовного суда под председательством Я. В. Сабурова их признали виновными в инкриминируемых вполне революционных преступлениях.

Одним из «выдающихся коноводов» «Чигиринского заговора» был бывший волостной судья из с. Шабельники Чигиринского уезда Киевской губернии Лазарь Аврамович Тененик, родившийся в 1823 г. В его судьбе болезненно отразились общественно-политические процессы, связанные с движением революционного народничества и борьбой пореформенного крестьянства России за землю и волю. «За заведомое употребление подложных, будто бы за подписанием Государя Императора, грамот и манифестов и принадлежность, в качестве главного руководителя, к тайному обществу, имевшему целью неповиновение властям и возбуждение вражды между сословиями, каковое сообщество принимало особые меры для сокрытия от правительства своего существования, причем члены его возбуждали к насильственным действиям» [3, Ф. И152, Оп. 10, Д. 21, Л. 97] Тененика приговорили к лишению всех прав состояния и отдаче в исправительные арестантские роты на один год и семь месяцев, а затем – на два года под надзор полиции. Однако Правительствующий Сенат в ревизионном порядке 6 мая 1880 г. пересмотрел и существенно ужесточил наказание. Теперь Тененик не только лишился всех прав состояния, но и приговаривался к каторжным работам в рудниках на 12 лет. На фоне замаячившей было незавидной перспективы 14 января 1881 г. наконец-то блеснул «луч света». В силу особых смягчающих обстоятельств, имевшихся в деле, по высочайшему повелению каторжные работы были заменены Тененику ссылкой на поселение в менее отдаленные места Сибири с последствиями по статье 26 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» [2, Ф. 112, Оп. 1, Д. 477, Л. 108–108об].

5 апреля 1881 г. Тененика отправили из Киева в распоряжение Орловского губернатора для заключения в Мценскую пересыльную тюрьму впредь до этапирования к месту назначения. Незадолго до того эту тюрьму специально оборудовали для приема политических ссыльных, и к открытию навигации 1881 г. в Мценской тюрьме находилось 39 человек. Среди них были «поделньики» Тененика крестьяне Е. А. Олейник, И. И. Писковой и К. И. Прудкий, осужденные по чигиринскому делу на каторжные работы студент В. Е. Малавский и дочь коллежского асессора Ю. О. Круковская, будущие сотоварищи по сибирской неволе из числа революционной молодежи В. В. Казанский, В. И. Тулисов, К. Н. Филиппов, а также известные деятели революционного движения П. А. Алексеев, Н. А. Виташевский, П. И. Войнаральский, И. С. Джабадари, А. В. Долгушин, С. Ф. Ковалик, И. Н. Мышкин, М. П. Сажин, А. О. Сыцялко и многие другие. С частью из них Тененику, закованному в ножные кандалы и с выбритой половиной головы, 18 мая 1881 г. пришлось отправиться по этапу в ведение генерал-губернатора Западной Сибири Г. В. Мещеринова и распоряжение Тюменского Приказа о ссыльных.

Порядок движения партии политзаключенных был определен распоряжением главного инспектора пересылки арестантов генерал-майора Н. Н. Гаврилова. Из Мценска их следовало отправить «по железной дороге в арестантских вагонах до г. Москвы и далее до Нижнего Новгорода». Там «означенная партия со станции железной дороги перевозится по ветви железной дороги на пароходную пристань контрагента перевозки арестантов, где тотчас же пересаживается из вагонов на арестантскую баржу, своевременно поданную к той пристани». На ней узники перевозились до Перми, «помещаясь в особой камере, отдельно от прочих арестантов». Далее маршрут пролегал до Екатеринбургa со станции «Уральской горнозаводской железной дороги» в заблаговременно приготовленных «арестантских вагонах». И, наконец, последний участок общего этапа до Тюмени партия политзаключенных двигалась «на подводах, законтрактованных для перевозки арестантов». Причем на каждой «трехконной подводе должно помещаться по 7 человек, включая в это число преступников и конвоиров» [4, Ф. 3, Оп. 4, Д. 964, Л. 160б-18].

По прибытии 1 июня в Тюмень каждому из арестантов, согласно сделанному заранее официальному указанию, назначили для поселения либо село Кондинское, либо какой-то из городов: Сургут, Тара, Туринск, Ялуторовск. С этого момента пошедшая «под откос» жизнь Тененика на несколько лет оказалась связанной с суровым сибирским краем. Причем в выборе ему места жительства по неизвестной причине возникла полицейско-бюрократическая неразбериха. Согласно именному списку политических преступников, распределенных Тюменским Приказом о ссыльных в разные города Тобольской губернии, Тененику был назначен г. Тюкалинск. Однако по распоряжению генерал-губернатора ему надлежало отправиться в г. Березов. Эта путаница в переписке официальных инстанций сохранялась на протяжении долгого времени. Тененик, отбыв наказание, успел вернуться на родину, а Тобольская Казенная Палата в 1885 г. все еще запрашивала информацию о местожительстве состоящего «на причислении в г. Тюкалинске» политического ссыльного Тененика, «так как Тюкалинской Мещанской Управе неизвестно, где он, Тененик, в настоящее время находится». Но в 1881 г. с помощью экстренного обмена телеграммами между Омском, Тобольском и Тюменью консенсуса по поводу судьбы крестьянина все-таки удалось достигнуть: «Согласно предложению № 120 Тененика водворить Березове», и подпись Г. В. Мещеринова [3, Ф. И152, Оп. 8, Д. 400, Л. 188-188об, 5].

Еще находясь в Тюменской центральной пересыльной тюрьме, Тененик, не знавший никакого ремесленного мастерства, обратился с прошением о переводе его «из Березова в какую-либо деревню, где бы он мог заняться хлебопашеством». Рассмотрение ходатайства растянулось на несколько месяцев, причем от него требовали подписку, что в случае положительного решения он «принимает расходы по переезде туда на свой счет». Только в феврале 1882 г. тобольский губернатор В. А. Лысогорский рекомендовал Г. В. Мещеринову «переселить Тененика на жительство в г. Тару или Ишим. Что же касается до ходатайства его о дозволении ему поселиться в деревне с целью ведения хлебопашества, то таковое в виду общего Закона о неотлучных поднадзорных лиц, далее того места, где они поселены на жи-

тельство... не подлежит удовлетворению». В ответ генерал-губернатор, соглашаясь с высказанными резонами, разрешил «только перемещение его в г. Тару» за свой счет, но от такого предложения, «по неимению средств на прогоны и парционы конвоирам», отказался уже сам Тененик [3, Ф. И152, Оп. 8, Д. 400, Л. 41-41об, 113об, 115об, 119].

Поскольку добиться перевода в более-менее подходящую для крестьянина сельскую местность не удалось, пришлось мириться с нелегкой долей ссыльнопоселенца в небольшом сибирском городке Березове. Для конвоирования туда Тененика из Тобольска были командированы жандармские унтер-офицеры дополнительного штата Прокопий Коробейников и Алексей Дубинин. В их «сообществе» ему довелось преодолеть последнюю часть нелегкого пути в ссылку. 20 июля 1881 г. Тененик наконец-то прибыл в Березов, где за ним был учрежден надлежащий полицейский надзор [3, Ф. И152, Оп. 8, Д. 400, Л. 51, 66].

Согласно «Ведомости о числе ссыльных в г. Березове и округе его», в 1881 году таковых насчитывалось 84 мужчины и 73 женщины [3, Ф. И531, Оп. 1, Д. 12, Л. 14об-15]. Из этого количества только 15 человек к моменту прибытия Тененика обзавелись своим домом. Подобно большинству оставшихся, украинскому крестьянину стать домохозяином не удалось, о чем свидетельствует «Ведомость о числе домохозяев из ссыльных в г. Березове и округе», представленная окружным полицейским управлением по требованию губернского правления в Тобольскую экспедицию о ссыльных в феврале 1882 года [3, Ф. И531, Оп. 1, Д. 12, Л. 14].

На поселении Тененик, по отзывам окружного полицейского исправника В. Н. Никитина, отличался безукоризненным поведением, политической и нравственной благонадежностью, «вел себя хорошо и ни в каких предосудительных поступках замечен не был». Вполне вероятно, как и другие государственные невольники Сибири, он совсем не стремился расширять круг своего общения. По сведениям Тобольской администрации, «все вообще политические ссыльные живут замкнуто, своим кружком, не встречаясь с посторонними» [3, Ф. И152, Оп. 8, Д. 400, Л. 105, 113-113об; Оп. 10, Д. 21, Л. 10, 10об].

В березовской ссылке по неимению достаточных средств (с собой у него было 3 рубля 96 копеек) Тененик первое время перебивался «плотничною работою и этим только обеспечен в имущественном отношении» [3, Ф. И152, Оп. 10, Д. 21, Л. 7об]. Но вскоре ему удалось пристроиться на более «хлебное» место. Вопреки своим прежним трезвенным убеждениям он стал исправно служить на оптовом винном складе, принадлежавшем владелице Петропавловского винокуренного завода жене статского советника Н. М. Давыдовской, и, судя по всему, получать неплохое жалование.

В целом, если не считать некоторых досадных гримас судьбы, жизнь политссыльного Тененика протекала достаточно размеренно, без каких-либо заметных потрясений. День за днем, коротая свою ссылку, Тененик, наконец, дождался милостей, дарованных высочайшим Манифестом 15 мая 1883 года «государственным преступникам, отбывающим наказания по судебным приговорам». В феврале

1884 г. он был восстановлен «в прежних правах происхождения, за исключением утраченных им по суду прав по имуществу, с водворением его под надзор полиции на родине сроком на три года». 23 мая 1884 г. он навсегда распрощался с Березовым и был отправлен в Тобольск «в распоряжение Полицмейстера, для дальнейшего препровождения... по принадлежности» [3, Ф. И152, Оп. 10, Д. 21, Л. 67–67об].

8 июня амнистированный узник, этапиремый на родину, достиг Тобольска и был заключен в тюремный замок в ожидании дальнейших указаний губернского начальства. Здесь выяснились буквально трагикомические подробности жизненного злочлечения Тененика, который при отправлении из Березова «не получил следуемого мне жалования в количестве тридцати шести рублей» за работу на винном складе. Казус приключился в силу печального стечения обстоятельств – «за смертью доверенного Плоснярского». У Тененика еще теплилась, надежда «получить таковое от доверенного Юферова, который обязанность уплатить мне жалованье принял на себя», но тот, «в свою очередь, был разбит параличем». И вот теперь Тененик, по сути дела, остался ни с чем: «имея письмо от доверенного Равского к Давыдовскому, но не имея надежды получить, т.е., вернее, видеть Давыдовского». А потому покорно просил губернатора «сделать надлежащее распоряжение о разрешении мне по прибытии моем в Тюмень сходить под надлежащим караюлом к Давыдовскому за вручением ему писма и получением денег тридцати шести рублей» [3, Ф. И152, Оп. 10, Д. 21, Л. 108–108об].

Вышестоящие власти с пониманием отнеслись к насущным нуждам Тененика, удовлетворив его прошение. 18 июня 1884 г. смотрителю Тобольского тюремного замка предписывалось «объявить, с подпискою, содержащемуся во вверенном Вам замке, пересылающемуся по Высочайшему повелению на родину, политическому ссыльному Лазарю Тененику», что по смыслу его обращения губернатор не видит никаких препятствий. О чем «одновременно с этим дано знать, для зависящего распоряжения, Смотрителю Тюменской Пересыльной Тюрьмы». Однако в силу бюрократических проволочек Тененик не успел дожидаться благосклонного соизволения, ибо еще 15 числа «за третьим обратным арестантским пароходом» был отправлен по назначению из Тобольска в Чигиринский уезд Киевской губернии. Но поскольку маршрут его неизбежно пролегал через Тюмень, скорее всего, там ему предоставили возможность обратиться к виноторговцам за получением законного жалования [3, Ф. И152, Оп. 10, Д. 21, Л. 111–111об, 99, 100].

Если высказанное предположение верно, Тененик, чей возраст пошел на седьмой десяток, на родину вернулся отнюдь не с пустыми руками. И тогда накопленные в ссылке средства весьма пригодились ему для налаживания домашнего хозяйства. Ну, а затем, по истечении трехлетнего срока, гласный надзор за ним был заменен негласным полицейским надзором.

Сложно сказать, насколько жизненные превратности невольной жертвы царского режима отразились на характере и, главное, политических убеждениях Тененика. Не исключено, что спустя годы он не стал держать зла на тех молодых образованных людей, которые притворившись царскими комиссарами, жесто-

ко обманули его и других чигиринских крестьян, убедив, будто дело затевается на вполне законных основаниях по воле царя. Но в любом случае долгое общение в тюрьмах, на пересыльных этапах и в ссылке с представителями революционного лагеря не могло не затронуть традиционалистских представлений немолодого крестьянина. Полагаю, историк Д. П. Пойда имел основания утверждать, что пережитые события «Чигиринского заговора» с их последствиями «объективно имели огромное воспитательное значение, способствуя росту политического сознания крестьянства». И хотя непосредственно по Тененику нет соответствующей информации, в целом документы «свидетельствуют о том, что именно активные участники чигиринских событий 1870–1877 гг. и впредь выступали против социального гнета в пореформенном селе Украины», став «агитаторами и пропагандистами революционных идей среди крестьянства» [14, С. 229, 230].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
3. Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске).
4. Государственный архив Томской области (ГАТО).
5. Дейч Л. Г. 16 лет в Сибири. Женева, 1905. 331 с.
6. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. I–IV. М.: Изд-во Всес. общ-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1929–1932.
7. Мауль В. Я. Лазарь Тененик на воле и в неволе (судьба крестьянского вожака «Чигиринского заговора») // Вестник Рязанского государственного университета. 2017. № 1 (54). С. 7–17.
8. Мауль В. Я. Как поссорились Иван Иванович с Егором Гавриловичем (из истории якутской политической ссылки) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 80–87.
9. Мауль В. Я. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // Quaestio Rossica. 2017. № 1. С. 221–240.
10. Милевский О. А. Революционер поневоле: судьба студента Владимира Малавского // Новый исторический вестник. 2017. № 1. С. 96–115.
11. Национальный архив Республики Карелия (НА РК).
12. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)).
13. Пелевин Ю. А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 130–150.
14. Пойда Д. П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепрпетровск: Днепрпетровское областное изд-во, 1960. 488 с.
15. Революционная журналистика семидесятых годов / Под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Ростов-на-Дону: Тип. «Донская речь», 1907. 312 с.

16. Терехова С. А. «Чигиринский заговор» в оценках революционной печати 1878–1880-х гг. // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 4 (6). С. 36–38.
17. Фроленко М. Ф. Записки семидесятника. М. : Изд-во Всес. общ-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1927. 339 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
--------------------------	---

РАЗДЕЛ I. ИСТОКИ

Ершов М. Ф. На путях к хаосу революций: горожане Зауралья к рубежу XIX–XX вв.	9
Милевский О. А. Научно-исследовательская деятельность ссыльных народников по изучению Тобольского Севера: конец 1870-х – 1890-е гг.	18
Мауль В. Я. Сибирская ссылка в судьбе крестьянского вожака «Чигиринского заговора» (эпизод из истории революционного движения)	32
Мокшин Г. Н. «Любовь и революция»: С. Н. Кривенко в сибирской ссылке (1886–1888 гг.)	41
Степаненкова З. В. Влияние сибирской ссылки на мировоззрение В. В. Берви-Флеровского	54
Пяткова С. Г. Формирование представлений об этапах ссылки поляков в Сибирь XIX века на страницах журнала «Русский архив»	62

РАЗДЕЛ II. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

В СИБИРИ В 1905–1917 ГГ.

Шиловский М. В. Позабывтый катаклизм: специфика революции 1905–1907 гг. в Сибири	70
Циндик А. А. Боевая работа социалистов-революционеров в Западной Сибири в годы Первой русской революции	79
Григорьева Т. С. Читинская мужская гимназия в 1905–1906 гг.	89
Харусь О. А., Шевцов В. В. Сибирский регионализм: между двух российских революций	95
Дробченко В. А. Сибирское общество накануне Февральской революции	104
Белоус П. В. Церковь и Февральская революция в Западной Сибири	116
Чудаков О. В. Правотворческая деятельность Временного правительства в области реформирования городского самоуправления	124
Коккоулин В. Г. Политические партии и группы Западной Сибири летом – осенью 1917 г.	135
Вторушин М. И. К вопросу об отношении сибирских эсеров и общественности Сибири к участию России в Первой мировой войне после Февральской революции 1917 г.	147
Мясников А. В. Нерчинский горный округ в огне революции.	154
Калашников А. А. «Лишние, забытые при переборке люди»: образ лесных служащих Алтайского округа после событий Февральской революции	165

РАЗДЕЛ III. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

И БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ СИБИРИ. 1917–1922 ГГ.

Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Революция, религия, культура: взаимодействие центра и периферии в 1917–1918 гг.	175
Исупов В. А. Население Сибири в условиях Гражданской войны (1918–1922 гг.)	191
Задорожня О. А. Национализация имущества «Западно-Сибирского товарищества пароходства и торговли» в 1918 г.	203
Маленьких М. А. Крестьянство Иркутской губернии в условиях контрреволюционных режимов	210

Шиловский М. В. Управленческий стиль Верховного правителя России, адмирала А. В. Колчака	220
Сизов С. Г. Управление Омском в годы революции и Гражданской войны: основные периоды трансформации городской власти (1917–1920 гг.)	227
Зайнутдинов Д. Р. «Белая» Сибирь: выразитель англосаксонской ориентации – Иван Иванович Сукин	240
Кодинцев А. Я. Органы юстиции меньшевистских правительств Востока России в 1918–1922 гг.	248
Исаев В. И. Долгое эхо Гражданской войны: вооруженное сопротивление советской власти в Сибири в начале 1920-х гг.	258
Прищепа А. И. Повстанческое движение на юге Западной Сибири в 1920 г.	269
Цысь В. В. Особенности вооруженной борьбы на Тобольском Севере в период Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г.	277
Кириллук Д. В. Сургутский уезд между Гражданской войной и НЭПом (март 1921–октябрь 1922 гг.)	283
Гайкин В. А. Влияние революционных событий на Дальнем Востоке России 1917–1922 гг. на корейских инсургентов в Маньчжурии	296

РАЗДЕЛ IV. НАСЛЕДИЕ

Зиновьев В. П. Революция 1917 г. – начало русского индустриального проекта	307
Ищенко О. В. Биография революционера З. И. Лобкова: формирование образа героя	315
Сушко А. В. Деятельность омского священника В. Ф. Инфантьева по противодействию борьбе советского государства с Русской православной церковью	326
Шкаревский Д. Н. Формирование органов транспортной юстиции в СССР в 1920-е гг.	335
Делиной А. И. Революция 1917 г. и Гражданская война в материалах следственных дел уральских инженеров 1930–1931 гг.	343
Шуляк Е. В. Трагические события на озере Нумто (1933 г.) в воспоминаниях Л. Н. Астраханцевой и документальной повести С. Б. Наварской	351
Иванов А. С. Сибирское спецпоселение как порождение революционной эпохи	354
Серазетдинов Б. У. Образ В. И. Ленина в исторической памяти. Историография проблемы	364
Лешукова Е. В. Проблема периодизации Гражданской войны в современной отечественной историографии.	376
Репников А. В. Российский государственный архив социально-политической истории: публикация документов о революционных событиях 1917 г.	385
Резолюция Всероссийской научной конференции «Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие»	392